

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81'373:39. DOI 10.26170/FK20-02-06. ББК Ш100.635. ГРНТИ 16.21.63. Код ВАК 10.02.19

РОЛЬ ТЕРМИНОВ СВАДЕБНОГО ОБРЯДА В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РУСИНОВ ВОСТОЧНОЙ СЛОВАКИИ: ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЭСТЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Копчакова С.

Прешовский университет (Прешов, Словакия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4123-4394>

Петрикова А.

Прешовский университет (Прешов, Словакия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0949-7167>

А н н о т а ц и я . В данной статье авторы исследуют роль языка в формировании культурной идентичности, привлекая аутентичный лингвистический материал (словесно-музыкальный, песенный). Главная задача исследования – найти интердисциплинарные точки соприкосновения в понимании идентичности как феномена в этнолингвистике (знаки языка культуры), в лингвокультурологии (язык как инструмент идентичности русинов), эстетике (онтология произведения искусства, восприятие и оригинальность артефактов, созданных этником). В статье используется метод семантической реконструкции, анализируется терминология свадебного обряда как составной части русинской духовной культуры. Материалом для реконструкции являются вербальные и невербальные стереотипы и нормы ритуального поведения, а также система символов русинского этноса. Анализ терминологии свадебного обряда русинского народа позволил выделить термины, связанные с ритуальными действиями и обрядовыми участниками, мотивированные признаками обрядового действия, и термины, связанные с предметными реалиями. Наиболее продуктивными морфологическими типами словообразования являются аффиксальная деривация, словосложение, словосочетание. В статье выяснены особенности культурной идентичности, ядром которой является сознание собственной историчности и аутентичности. На языковом уровне это закреплено в виде выделения индивида из группы людей или его включения в ее состав (личные местоимения, окончания глаголов). Мы считаем, что культурная идентичность является важнейшей ценностью, позволяющей человеку пережить свою жизнь как целостной личности и как члену сообщества, но в то же время позволяющей ему стать ценностью для другого человека, для других сообществ. Значительное внимание уделяется языку и народному музыкальному творчеству, жанровой классификации музыкального фольклора. Было установлено, что свадебный обряд русинского народа карпатского ареала относится к драматическим жанрам фольклора. В статье затрагивается термин «народная песня», которая способствует развитию сознания русинского этноса. Авторы прослеживают становление свадебного обряда и выделяют русинские песни, которые сопровождают каждый этап свадьбы. Обосновывается мысль о том, что русинская народная песня представляет собой источник реконструкции формирования этнокультурной идентичности русинов.

К л ю ч е в ы е с л о в а : культурная идентичность; этнолингвистика; этносы; лингвокультурология; музыкальный фольклор; русинский этнос; эстетические категории; культурные термины; народные обряды; свадьбы; свадебные обряды; русины.

ROLE OF WEDDING RITUAL TERMS IN FORMATION OF CULTURAL IDENTITY OF RUSYNS IN EASTERN SLOVAKIA: ETHNOLINGUISTIC AND AESTHETIC ASPECTS OF RESEARCH

Slavka Kopcakova

University of Presov (Preshov, Slovakia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4123-4394>

Anna Petrikova

University of Presov (Preshov, Slovakia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0949-7167>

Abstract. In the article the authors explore the role of language in the formation of cultural identity, using authentic linguistic material both verbal and musical (songs). The main objective of the research is to find an interdisciplinary common ground in the understanding of identity as a phenomenon in ethnolinguistics (symbols of the language of culture), in linguoculturology (language as an instrument of defining Rusyns identity), aesthetics (ontology of the work of art, perception and originality of artifacts created by ethnics). In the article there used the method of semantic reconstruction, analyzed the terminology of the wedding ceremony as an integral part of the Ruthenian spiritual culture. The material for reconstruction is verbal and non-verbal stereotypes and norms of ritual behavior as well as a system of symbols of the Ruthenian ethnos. The analysis of the terminology of the wedding rite of the Ruthenian people shows that the terms associated with ritual actions and ritual participants are motivated by signs of ritual action expressed by a verb; terms related to objective realities are expressed by nouns. The most productive morphological types of word building are affix derivation, collocation and word combination. We consider that cultural identity is the most important value that allows people to experience their lives as integral identities and members of the community but at the same time allows becoming a value for other people and communities. Special attention is paid to language and folk music, the genre classification of musical folklore. It is found that the wedding ceremony of the Ruthenian people of the Carpathian area belongs to the dramatic genres of folklore. The article considers the term “folk song” which contributes to the development of consciousness of the Ruthenian ethnic group. The authors trace the formation of the wedding ceremony and highlight the Rusyns’ songs that accompany each stage of the wedding. The idea that the Ruthenian folk song is a reconstruction source of the formation of the Ruthenians’ ethnocultural identity is proved. The article clarifies the features of cultural identity, the core of which is the consciousness of one’s own historicity and authenticity. At the linguistic level, it is fixed in the form of distinguishing individuals among a group of people or their inclusion in its membership (personal pronouns, endings of verbs).

Keywords: cultural identity; ethnolinguistics; ethnic groups; linguoculturology; musical folklore; Ruthenian ethnos; aesthetic categories; cultural terms; folk rites; weddings; wedding ceremonies; Rusyns.

Для цитирования: Копчакова, С. Роль терминов свадебного обряда в формировании культурной идентичности русинов восточной Словакии: этнолингвистические и эстетические аспекты исследования / С. Копчакова, А. Петрикова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 2. – С. 68–79. – DOI: 10.26170/FK20-02-06.

Благодарности: статья публикуется в рамках государственного проекта VEGA ч. 1/0051/19 с названием Hudba a dramatické umenie v koncepciách estetickej teórie a estetickej výchovy na území Slovenska v 19. a 20. storočí.

For citation: Kopcakova, S., Petrikova, A. (2020). Role of Wedding Ritual Terms in Formation of Cultural Identity of Rusyns in Eastern Slovakia: Ethnolinguistic and Aesthetic Aspects of Research. In *Philological Class*. Vol. 25. No. 2, pp. 68–79. DOI: 10.26170/FK20-02-06.

Acknowledgments: article is published as part of a state project VEGA ч. 1/0051/19 named Hudba a dramatické umenie v koncepciách estetickej teórie a estetickej výchovy na území Slovenska v 19. a 20. storočí.

Введение. Язык и фольклор неразрывно связаны с конструированием категории «национальность», т. е. с этнокультурной и этноконфессиональной идентичностью, для которой

характерно и определенное этномузыкальное мышление.

В данной статье предпринимается этнолингвистический подход к изучению русин-

ской культуры, который позволяет установить основные семиотические и когнитивные механизмы существования этноса. Т. В. Цивьян подчеркивает: «...языковой код – единственный из кодов модели мира, который способен адекватно описать» [Цивьян 2006: 37] любую другую (чужую) культуру.

В настоящее время в Словакии используется литературный русинский язык, который прошел непростой процесс кодификации. Это связано с тем, что в каждом из государств, где проживали русины, присутствует значительное диалектное разнообразие, осуществляется влияние культурных и языковых традиций ближайших соседей. В процессе создания литературных языков сыграли немалую роль религиозные и социально-политические факторы. Процесс демократизации начала 90-х гг., произошедший в посткоммунистических странах Центральной и Юго-Восточной Европы, дал русинам исторический шанс для заявления о необходимости литературного языка, и они им воспользовались.

Актуализация русинской литературно-языковой и культурной идеи в XX веке в отдельных странах, в которых русины компактно проживают (кроме бачско-сремских русинов в Сербии и Хорватии, которые нашли решение данной проблемы еще в начале XX века), а также стремление остальных славянских народов к созданию собственных литературных языков в последние десятилетия (македонцы, кашубы, босняки, черногорцы), по мнению некоторых наблюдателей, свидетельствуют о том, что «литературно-языковой и культурный регионализм, расцвет которого наблюдался еще до Второй мировой войны, отражает объективную потребность иметь, помимо общеэтнической литературно-языковой и культурной традиций, также мест-

ную, которая связывала бы человека с „малой родиной“ и в известной мере гасила бы его ностальгию по неустребованному языку прадедов» [Плишкова [http](#)].

Поскольку предметом исследования являются словесные тексты прошлого века, когда еще не существовал литературный русинский язык, то мы будем применять метод ареальной лингвистики и лингвогеографии, «поскольку картографирование обрядовых терминов, метод сопоставления изоглосс и изопрагм чрезвычайно плодотворен для выявления древнейших этнолингвистических границ, для определения диалектов (не только в сугубо лингвистическом, но и в культурно-историческом аспекте) русинского языка» [Узёнова 2010: 10]. По мнению известного этнолингвиста Н. И. Толстого, «Диалект (равно как и макро-, и микродиалект) представляет собой не исключительно лингвистическую территориальную единицу, а одновременно и этнографическую, и культурологическую, если народную культуру выделять из этнографических рамок» [Толстой 1995: 21].

Объектом исследования является культурная идентичность русинов¹. Предмет исследования – языковые средства семейно-бытовой тематики, свадебного обряда (народных песен) русинов восточной Словакии, на формирование которых повлияли географические и исторические условия проживания, менталитет, национальный характер, темперамент русинов.

Методологические аспекты исследования. Этнолингвистика является молодой наукой, оперирующей такими понятиями, как этническая принадлежность, народ, язык и культура в самом широком смысле. Язык как культурный феномен и средство общения используется в контексте каждой нации в един-

¹ У народов, имеющих свое собственное искусство или государственность, одним из многочисленных источников идентичности является географическое место жительства, город, деревня, село или государство, с его территориальным распределением, восприятием их эстетической ценности. В случае этничности и этнических групп, не имеющих своей «собственной» территории, гораздо более важную роль в формировании и поддержании идентичности играет именно культура, мифы, легенды, эстетические переживания, связанные с историческими и нравственными историями и переживаниями общества в целом. Русины, проживающие в Словакии, в Пряшевском крае, являются этносом, не имеющим территориально ограниченного собственного государства. Канадский ученый П. Магочи об этом писал так: «Карпатские русины не имеют своего государства. В лучшем случае они живут как законно признанные национальные меньшинства, но не во всех странах, где они живут. Подобно как в истории других национальных групп без собственного государства, карпатские русины даже не желали идентифицировать себя таковыми, или просто, иными словами, они не были зарегистрированы как русины правительствами государств, в которых они жили. По этим причинам во многих странах невозможно указать точное число карпатских русинов. По последним данным в мире насчитывается около 1 500 000 русинов» [Magocsi [http](#)].

стве с ее традиционной духовной культурой (обычаи, таинства, словесный фольклор), а также со всеми объектами и элементами ее материальной культуры. Современные этнолингвистические исследования в какой-то степени воспринимают предмет этнолингвистики более широко, причем в качестве исходной точки принимают не только традиционную народную культуру и язык. На первый план выходит понятие «языковая картина мира». Содержание этого понятия «не ограничивается только коммуникацией и изучением народных текстов, но и в синхронном и диахронном аспекте интенсивно переходит в коммуникационное пространство отдельных слоев современного литературного языка» [Zenuchova 2017: 180]. Предмет этнолингвистики не сводится только к национальному языку, фольклору или народной культуре, но включает в себя все разновидности языка, в том числе литературного, в рамках всего спектра исторического и синхронного исследования [Bartmiński 2016: 33].

Этнолингвистика в Словакии пока не имеет длительной традиции¹. В других странах проводятся интенсивные этнолингвистические исследования с использованием методов когнитивной науки, методологии синхронно-диахронного характера. Научно-исследовательские центры этнолингвистики имеют богатую традицию в основном в двух странах – в России и Польше, но хорошо развиты и в Болгарии, Хорватии, Белоруссии, Сербии и Украине. Замечательных результатов добилась Люблинская этнолингвистическая школа под руководством Ежи Бартмински, который сосредоточен, главным образом, на когнитивных этнолингвистических исследованиях народного языка и народной культуры. Исследователи Софийского центра этнолингвистических исследований под руководством Марии Китановой, в основном, ориентированы на изучение народной терминологии и культурных концептов [Китанова 2015].

Анализируя народную культуру русинов восточной Словакии, которая соответствует диалектному континууму русинского языка, мы будем опираться на этнолингвистические

исследования школы Н. И. Толстого, которая ориентирована «на рассмотрение взаимоотношения языка и этнической культуры, при этом дополнительной задачей является реконструкция народного менталитета в прошлом» [Китанова 2015: 314].

Для достижения нашей цели целесообразно применить разработанный в рамках школы славянской этнолингвистики метод семантической реконструкции, «который предполагает, с одной стороны, внутреннюю реконструкцию на основе изучения и сопоставления имеющихся фактов одной традиции (или нескольких близкородственных); а с другой – внешнюю реконструкцию (сравнение материала разных традиций и эпох). Материалом для реконструкции являются элементы как вербальной, так и невербальной культуры: фразеологизмы (разного рода устойчивые сочетания, клише); ритуальные тексты (песни, заговоры, загадки); система метафор и метонимий данного языка; терминология обрядов; народный календарь; мифы и сказки; поверья и демонология (представления о внечеловеческих разумных существах или духах); этикет, стереотипы и нормы обыденного и ритуального поведения, в том числе речевого; система символов, а также другие формы традиционной народной культуры» [Перехвальская 2015: 313].

В связи с интересующими нас обрядами следует обратить внимание на особый пласт словарного состава языка – на культурную терминологию преимущественно диалектного характера. Данная терминология включает разные группы: 1) названия обрядов, их комплексов, их составных частей, хронимы (народный календарь); 2) названия ритуальных предметов; 3) названия лиц – исполнителей, или, реже, адресатов, или объектов ритуальных действий; 4) названия ритуальных действий; 5) метаязык фольклора (названия песенных циклов, вербальных формул, танцев, игр и т. п.) [Толстая 2013: 168].

К вопросу об этнокультурной идентичности. Идентичность – это комплексное и динамичное понятие, которое впервые ввел в меж-

¹ За исключением словацких русинов, например, Л. Гузи [2015] исследует исторические образы в языке, этнолингвокультурное сознание.

дисциплинарный научный обиход немецкий психолог Э. Эриксон, понимая ее как «субъективное, вдохновенное ощущение тождества и целостности» [Эриксон 1996: 142]. Многие исследователи: Я. Ассманн (J. Assmann), Д. С. Тернер (J. C. Turner), В. Б. Гудикунст (W. B. Gudykunst), Б. Д. Холл (B. J. Hall) – говорят об индивидуальном, персональном и социальном уровнях идентичности. Так, на первом – **индивидуальном** – уровне идентичность основывается на ощущении тождества «Я» с самим собой и определяется как результат осознания человеком собственной временной протяженности.

Персональная идентичность рассматривается как ощущение человеком собственной неповторимости, уникальности своего жизненного опыта. Идентичность определяется Э. Эриксоном как тот личностный конструкт, который отражает внутреннюю солидарность человека с социальными, групповыми идеалами и стандартами и тем самым помогает процессу «Я» категоризации: это такие характеристики, благодаря которым мы делим мир на похожих (своих) и непохожих на себя (чужих). Последний уровень Э. Эриксон назвал термином «**социальная** идентичность» [Баклушинский 1998].

Теорию персональной идентичности выдвинул еще Э. Бенвенист, когда начал говорить о возможности реализации личностного начала человека. «Именно в языке и благодаря языку человек конституируется как субъект, ибо только язык придает реальность, свою реальность, которая есть свойство быть, – понятию „Ego“ – „мое я“. „Субъективность“, о которой здесь идет речь, есть способность говорящего представить себя в качестве „субъекта“ ... т. е. осознание себя возможно только в противопоставлении» [Бенвенист 1974: 292].

В любом языке мира существуют свои способы выражения субъектно-объектных отношений. Так, при наименовании субъекта в русинском языке может использоваться целый ряд способов, но чаще всего субъект выражается системой личных местоимений, например: русинс. яз. – *він, она / вона*; русс. яз. – *он, она*; словац. яз. – *он, она*; притяжательными местоимениями: русинс. яз. – *нёго / ёго / го; нёй / ей*; русс. яз. – *его, ее*; словац. яз. – *jeho, jej*.

Субъектно-объектные отношения выражаются также окончаниями глаголов в настоящем времени.

Пример из народной песни № 1:

**А роблю я, роблю, уж барже не можу,
А я своїй свекрі вгодити не можу**

с. Выш. Полянка, окр. Бар., 1966
[Čižmár 2006: 221]

Пример из народной песни № 2:

**Ай, ты п'эши та гайнузи,
А я боса хожу,
За твоїми коровками
Покалови брожу.**

Пудплеша, 1929 [Mušinka 2002: 159]

Пример из народной песни № 3:

**Ідеме, ідеме, згоры до долины,
Згоры до долины, до нової родини.
Ідеме, ідеме, де всі свічки горять**

с. Пстрина, окр. Св., 1966
[Čižmár 2006: 105]

В отрывках русинских народных песен глаголы: русс. яз. – *делаю*, русинс. яз. – *роблю*; русс. яз. – *не могу*, русинс. яз. – *не можу*; русс. яз. – *я хожу*, русинс. яз. – *я хожу*; русс. яз. – *я брожу*, русинс. яз. – *я брожу*; русс. яз. – *идём*, русинс. яз. – *ідеме*, являются показателем субъекта: сразу понятно, *кто делает?* – «я»; *кто не может* – «я»; *кто ходит?* – «я»; *кто бродит* – «я»; *кто идет?* – «мы». Таким образом, в языке закрепляются субъектно-объектные отношения, но может происходить и выделение индивида из группы людей специальными формами и даже акцентируется внимание на том, включен ли индивид в эту группу или нет (ср.: *я (-мы) – они*).

Пример из народной песни № 4:

**Так ня огваряют,
Што спання не мають,
А я ніч не мышлю,
Лем ся добрі व्यсплю.**

Сл. Маківці, ок. Ст., 1958
[Čižmár 2006: 78]

Язык и народное музыкальное творчество. В процессе формирования идентичности определенного этноса важную роль играет язык народного музыкального творчества, которое известный этномузыковед Б. В. Асафьев исследует как «высказывание в звуке

мысли народа о действительности и о человеке» [Asafjev 1965: 4].

В процессе постижения фольклорного (словесно-музыкального) материала формируется также этномузыкальное мышление народа как «процесса духовно-интонационного общения с миром, людьми, самим собой посредством этномузыкального языка. Именно в народной песне сливаются воедино „свое“ (т. е. показатель идентичности) и „чужое“, причем это „чужое“ – отобранные веками интонационные формулы, „чувство мысли“ нескольких поколений предков, в которых соединились воедино мудрость и красота их мироощущения» [Карпушина 2009: 175].

Поскольку язык формируется вместе с образованием этноса, то в нем отражается быт и особенности характера народа, его мышления. В таком же направлении развивается и этнокультурное мышление, в ходе которого «происходит диалог с современностью и с прошлой из народной песни „эписистемой“, причем при диалоге с современной этномузыкальной культурой представитель этноса, воспринимая новые знаки, смыслы, интонации, должен осуществлять „этно-сохраняющую функцию“, оберегая интонационные символы родной музыки» [Карпушина 2009: 176].

Под термином «народная песня» мы вслед за Л. Тыллнером будем понимать «одноголосное или многоголосное яркое словесно-музыкальное образование, передаваемое несколькими поколениями устным путем. Как в музыке, так и в тексте она отражает музыкальное и поэтическое воображение, а также жизненный опыт основных слоев населения» [...] «отражает действительность жизни и ситуации, которые происходят в жизни общины в основном неоднократно, но также могут происходить только один раз в жизни (свадьба, семейные обряды) или один раз в год (Рождество)» [Tušner 2010: 62]. Народная песня очень часто сопровождается танцами, ритуалами, театром, обычаями, народными развлечениями, трудовой деятельностью.

Русинская народная песня относится к диалектным фольклорным текстам, которые как и «элементы народной духовной культуры, и диалектные языковые явления во многих случаях весьма устойчивы. Варианты текстов

или фрагментов текста территориально привязаны, и на этом основании выделяются изодоксы, т. е. границы определенных явлений, зон или микророзон» [Толстой 1995: 21].

Жанровая классификация музыкального фольклора. Существуют разные классификации фольклорной деятельности, мы приводим классификацию В. Е. Гусева [Гусев 1967: 43], основанную на разграничении жанров (эпос, лирика, драма) и отмечающую родственные связи слова и музыки с языками других видов искусств. Можно выделить следующие жанры: «прозаические (слово – мимика), песенные жанры эпоса и лирики (слово – музыка), танцевально-хореографические (музыка – мимика, музыка – танец), песенные хореографические (слово – музыка – танец, слово – музыка – танец – выражение лица). К эпическим жанрам относятся пословица, поговорка, загадка, предание, легенда, сказка, анекдот, притча / рассказ (сказ), быличка, былина, историческая песня, духовный стих („старина“), баллада» [там же: 44]. Драматические жанры представлены такими видами, как «обрядовые действия (трех типов – простейшее, ситуативное; „игрище“ как сложный комплекс обрядовых действий; свадебная „игра“); драматические игры; народную драму и народную комедию, исполняемые в фольклорном театре „живого актера“, в кукольном театре („вертел“, „Петрушка“, марионетки), театр-пантомиму, теневой театр» [там же: 46]. Лирические жанры содержат «обрядовую и внеобрядовую лирику, а каждая из этих жанровых филиаций может быть расчленена по характеру бытования и функциональным критериям» [там же: 47]: трудовые песни, заклинания, гимнические, героические, изысканные, шуточные и сатирические. Таким образом, свадебный, похоронно-поминальный, гостевой, в меньшей степени рекрутский обряды русинского народа карпатского ареала относятся к драматическим жанрам фольклора.

Терминология русинской духовной культуры. Без понимания специфической связи между обрядовой реальией и обрядовым термином «возможность использования терминологии как источника культурной (этнографической) информации остается достаточно ограниченной, да и сама интерпретация

собственно культурных (этнографических) данных не может быть полноценной» [Толстая 1989: 216]. Под обрядовой терминологией (вслед за С. М. Толстой) мы понимаем «специальную терминологию обрядов и верований, называющую семиотически (культурно) значимые реалии – ритуальные предметы, действующих лиц, действия, свойства, функции, отношения и т. п., обозначающую сами обряды или их части» [там же].

Свадебная терминология состоит из специфически обрядовой, обслуживающей только сферу обрядности и верований и необрядовой лексики (общеупотребительные лексемы и их словообразовательные и семантические дериваты). По словам С. М. Толстой, «термин часто оказывается ключом к реконструкции» [Толстые 2013: 101], поэтому мы обратимся к терминам свадебного обряда как названий «основных культурно значимых реалий» [Толстые 2013: 98], ритуальных действий и предметов; персонажей, названия песенных циклов, танцев и т. д. В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» под общей редакцией Н. И. Толстого термин «свадебный обряд» определяется как «один из семейных обрядов, оформляющий вступление в брак. Представляет собой обряд „перехода“, что определяет тернарность смыслового членения и формальной структуры» [Толстой 2009: 544].

Самое раннее упоминание о народной свадьбе восточнославянских русинов встречается в работах И. Фогораши конца XVIII – начала XIX вв. [Čižmár 2006]. Из более поздних работ, посвященных этой теме, мы упомянем монографию I. Čižmára «Ludová svadba Rusínov východného Slovenska» и труд M. Mušinka с названием «Hlas predkov». Основным этнокультурным источником в данной статье является работа И. Чижмара.

Синтагматическая структура свадебного обряда как текста развернута во времени и пространстве. Она складывается из трех ритуальных этапов: предсвадебный, свадебный и послесвадебный.

Предсвадебный этап (*передсвальбяны*) представляет семантический цельный блок с названием «свадебный сговор», который включает следующие термины: 1. *спросины*; 2. *огласки (оглашки, оповиды)*; 3. *ладканя до спросин до весіля*; 4. *приправы, запрошуња на весіля*; 5. *по покритки*; 6. *вiтя вiнцив*¹.

Ритуальные действия *спросин* направлены на получение согласия на брак. Названия связаны не только с самими *спросинами*, ее участниками: *просотаре, паробок, домашній газда, газдыня, дівка*, но и с ритуальными предметами, с ритуальными действиями, подтверждающими взаимную договоренность, в большинстве случаев – это выпивка алкогольного напитка: *одомаш*.

В структуре свадебного обряда *спросины* ((*в*) *оглядины, обзорины, спросины, svatanku*) начинались с прихода сватов: *просотаров*. Они ходили рано-рано утром с субботы на воскресенье, чтобы никто их не видел, потому что в случае отказа жених был опозорен.

Домашние играют свои роли: они делают вид, что ничего не знают, что никого нет дома или они спят, потому что пришли среди ночи².

Пример № 5:

– *Газдо дома сте? Та нам отворте.*

– *З хыжы ся домашні озвали: Гей дома, та мы іщі шыткы спиме. Бо то іщі нічна година.*

– *Та што мате так напонагло, же сте негодни до рана дочекати?*

Просотаре з перед двери домашнім говорили: Чули зме же мате на продай молоду ялівочку, та бы зме хотіли қі купити [Čižmár 2006: 74].

После короткой вступительной игры хозяйка приглашает *просотаров* в дом и угощают их. О свадьбе уже говорят открыто, однако никогда без согласия девушки не дают положительного ответа. Она должна ответить со смирением и стыдом. В знак согласия молодые делили на две половины платок: *хусточку*.

Иногда сваты приходили два раза, сначала посмотреть на невесту (*vyvidynu, prezanku, rozvidynu, загварины*). Эту первую «секретную

¹ Русинские слова написаны в соответствии с правилами современного русинского языка [Ябур, Плїшкова 2005; Ябур, Плїшкова, Копорова 2007].

² Со стороны эта ситуация может выглядеть комически, но данная категория пронизывает почти все жанры, часто ее связывают с категорией бытового или некрасивого. Комическое, конкретно в фольклоре, характеризуется Я. Б. Боревым [в: Гусев 1967: 301] следующим образом: «истинный смех тянется к коллективному восприятию» [...] «Коллектив усиливает и углубляет смех». Социальная природа фольклора проявляется в коллективах, главным образом в форме сатиры и юмора.

дипломатическую миссию» берет в основном на себя пожилая женщина со стороны холостяка, например, его крестная мать. Однако ни в коем случае это не может быть вдова или женщина, у которой есть разногласия в своей супружеской жизни, чтобы не принесла несчастье в новый брак.

В период от спросин до свадьбы молодые могут вернуть слово. «Тот, кто вернул из молодых слово, должен был заплатить за ганьбу тому, кому слово вернул» [Čižmár 2006: 77]. За слово надо было заплатить грошами, полінков, вишитым кельчіком. Термин кельчік обозначает все предсвадебные расходы: музыка, подарки, венки, оглашки в церкви.

В ряде случаев обручение (*rukovinu*) объединялось со смотринами. Обручение является официальным началом свадебного обряда. *Rukovinu* имеют юридический характер: знаком действительности договора является подача руки (отсюда и название), церемония принесения присяги и взаимный обмен подарками: невеста получает платок с несколькими монетами. Девушка дарит юноше вышитое полотенце и вышитую рубашку, в которой он будет жениться. Невеста вставляет ему за шляпу перо, которое символизирует помолвку. В более поздний период в качестве подарков появились кольца. С этого момента решение является окончательным и не может быть отменено. После официальной помолвки молодые рано утром идут в церковь писати оглашки, оповіді (крижикы класти).

Пример № 6:

Свята маті церков оголошуд, же (мено молодого, дата народжіня) сын (мено родичів) із села (назва), віруючий (назва хрїстіянскої віры), заручів собі чесу дівіцу (мено) доньку (мено родичів) із села (назва), оголошудт ся перший раз. Хто бы знав даяку причину, якак бы бранила вступити в став супружеський, най оголосит то святі матери церкви [Čižmár 2006: 77]. С этого момента молодых называют молодіця, молодой. Начинается период подготовки к свадьбе. Будущий жених договаривается с музыкантами, которые являются неотъемлемой частью свадебного обряда. Подруги невесты приходят в дом молодичи, где вышивают полотенца, дерут перья на новые перины. В это время ведутся разговоры о свадебной церемонии и звучат обрядные песни, которые называются латканки.

Пример из народной песни № 7:

Латкаме, латкаме, а не знаме кому,
Я Янко повідат, же то буде йому

[Čižmár 2006: 79].

В последние дни перед свадьбой в действие вступают дополнительные лица – повара, которые готовят свадебные блюда, среди них свадебный обрядовый хлеб *коровай* (*балец, кухен*) с различными украшениями из теста. Свадебный *коровай* является одним из особых ритуальных атрибутов, символизирующих богатство, плодородие, молодость, верность или любовь.

Предсвадебная неделя особенно насыщена ритуалами. В это время происходит приглашение на свадьбу гостей с обеих сторон, подготовка свадебного реквизита и хлеба, отмечаемые в народной культуре как начало свадьбы. «Временная структура обряда, общая продолжительность и длительность этапов также могла различаться» [Узенёва 2010: 19]. До Второй мировой войны свадьба начиналась в четверг (*дружбове ходили по покритки*), «в неділю были заграванки у молодого а в по неділок стояло весіля, свальба цілий день, вівторок были поправіны, шыла ся застава» [Čižmár 2006: 82]. После войны, во время коллективизации, пришли *дружства* (колхозы), день свадьбы был перенесен на выходной день – субботу.

В доме невесты собирались подружки невесты, которые вязали из барвинка венки: *вінці*. Ритуальная функция венка – это любовь, счастье в браке, защита его от всех зол. В первом венце первые три веточки барвинка обозначали Святую троицу. Венцы одевали на головы молодых в церкви во время венчания (ср. русск. *идти под венец*). Всех девушек, которые помогали вить венцы, угощали рюмкой спиртного: *погариком палінкы*.

Здесь также делали перья: *покритки*, которые затем вставляли подружки невесты за шляпу молодых парней. Согласно названию украшений сцена прихода парней: *дружбів*, к подружкам невесты называется – *іту по покрітку*.

Накануне венчания совершаются *заграванки, дружбівський танець, витя заставы*. Музыканты играли и пели песни, которые просили родители молодых: *Няню свальбяный, мамо свальбяна, яку співанку маме Вам заграму на добрый день?* [Čižmár 2006: 90].

Собственно свадьба как основная свадебная церемония состоит из ряда ритуалов. Н. И. Толстой определяет свадебную церемонию как «наиболее сложноорганизованный обряд. В нем занято большое количество участников, выполняющих различные ритуальные функции» [Толстой 2009: 546], иногда весьма специфические. Состав *дружини молодого* был: *молодой, староста, заставник (копіяш), сватове, страша свашка, свашки, старший дружба, дружбове, гудаци, музикант, родиче молодого*.

Дружина молодіці состояла из следующих участников: *выдавця, страша дружка, дружкы, родиче молодіці*. На венчание приходили также: *отець духовный, кантор, костільник, дзвонарь*.

Кроме участников свадебной церемонии смысловую нагрузку несут и другие компоненты: пространство, время, «которое связано как с различными календарными сезонами (свадьбы, например, играли осенью и зимой) и периодами (запрещалось совершать помолвку и венчание в пост, в период святок, накануне больших праздников), с фазами луны (полнолуние и новолуние), которые считались удачными, так и отрезками суток – подавляющее число обрядов приурочивалось к началу дня, что имело сакральное значение» [Узенёва 2010: 21].

Семантика свадебного обряда может передаваться посредством предметных кодов: *застава, зеленый вінок, золотый перстеник, рушник; цілий підпалок хліба*.

Все ритуальные этапы свадебного обряда сопровождаются фольклорными компонентами: приговорами, благопожеланиями, песнями.

Пример из народной песни №9:

Ідеме, ідеме до храму Божого,

Будеме просити ставу манжелського.

С. Пстрина, орк. Св., 1966
[Čižmár 2006: 111]

Таким образом, вся свадебная церемония представляет сложную структуру, которая состоит из элементов различных взаимосвязанных кодов, составляющих один культурный текст. Вербальные и невербальные коды, «взаимодействуя между собой, используются в обрядовой коммуникации и участвуют в порождении обрядовой семантики, причем нередко один и тот же смысл может дублироваться в обряде несколькими семиотическими средствами одновременно» [Гура 2006: 268].

Выводы. В работе был рассмотрен один из феноменов культурной идентичности русинского народа – свадебный обряд. Анализ осуществлен через изучение комплекса компонентов этнокультуры: русинского языка (проанализирована лексика свадебного обряда), этнографическая составляющая свадебного ритуала, фольклорные тексты (произведения разных жанров, актуальные для свадебного обряда, в их взаимосвязи с ритуальным контекстом), музыкальное творчество, сопровождающее свадебный обряд русинов.

Внимание в первую очередь было сосредоточено на терминологии русинской свадьбы, которая состоит из специфической обрядовой (*спросины; огласки: оглашки, оповиды; ладканя до спросин до весіля; приправы, запрошуна на весіля; по покритки; витя вінців* и др.) и необрядовой лексики (общеупотребительные лексемы, их дериваты).

Анализ терминологии свадебного обряда русинского народа позволил подчеркнуть специфику лексико-семантического плана обрядового действия (свадьбы), что проявилось в образовании многочисленных отглагольных дериватов (ср.: *спрашивать: спросины / просотаре; смотреть, рассматривать, сватать: ((в) оглядины, обзорины, спросины, svatanku / сватове* и т. д.) и символического контекста предметного кода языка, обслуживающего ритуальное действие и репрезентированного в терминах, которые обозначают предметные реалии (*коровай – свадебный хлеб; венки из барвинка; рушник* и т. д.). Особое место в рассматриваемом пласте лексики занимает группа наименований свадебных чинов: одной из характерных черт данной терминологической группы является продуктивность некоторых основ, семантика которых релевантна для свадебного обряда. Наиболее продуктивен морфологический тип словообразования (аффиксальная деривация), словосложение, словосочетание (*прос – спросины, просотаре, просити, выпросити*; *сват – сватанкы, сватове, свашка, сват*; *свал – свальба, свальбы, свальбяны, свальбяный* и др.).

Свадьба по-прежнему является важным событием в жизни русинов. Как и в прошлом, сегодня свадебный обряд выполняет социальную, экономическую, интегративную функции, но не менее важными оказываются

функции эстетическая, эмоциональная, репрезентативная. Сохранились элементы выкупа невесты, которые присутствуют во многих моментах свадьбы. Непременной частью ритуала в его современном виде является уход от родителей: по дороге на свадьбу незваные гости создают искусственное препятствие для свадебной процессии (*заставу*) и отпускают только после получения желаемого выкупа. Хорошо сохранились элементы снятия венка, танца тамады, «очепления» (надевания чепца на молодую) и др. Все ритуалы сопровождаются народными песнями, которые являются ценными компонентами формирования этнокультурной идентичности русинов. Язык народной песни является аккумулятором, впитывающим в себя на протяжении своей истории культурные смыслы и передающим их последующим поколениям носителей национальной культуры.

Литература

- Баклушинский, С. А. Развитие представлений о понятии «социальная идентичность» / С. А. Баклушинский, Е. П. Белинская // *Этнос. Идентичность. Образование: Труды по социологии образования* / под ред. В. С. Собкина. – М. : Российская академия образования, 1998. – С. 64–85.
- Бенвенист, Э. Общая лингвистика. Глава XXIII. О субъективности в языке / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1974. – С. 292–294. – URL: helpiks.org/2-3212.html (дата обращения: 25.01.2020). – Текст : электронный.
- Гузи, Л. Исторические образы в языке как отражение единиц этнолингвокультурного сознания / Л. Гузи // *Русский язык и литература в пространстве мировой культуры : материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ. г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 года : в 15 т. / ред. кол.: Л. А. Вербицкая, К. А. Рогова, Т. И. Попова [и др.]*. – СПб. : МАПРЯЛ, 2015. – Т. 6. – С. 179.
- Гура, А. В. Соотношение и взаимодействие акционального и вербального кодов свадебного обряда / А. В. Гура // *Славянский и балканский фольклор. Семантика и прагматика текста*. – М. : Индрик, 2006. – С. 268–279.
- Джозеф, Дж. Язык и национальная идентичность / Дж. Джозеф. – Текст : электронный // *Логос*. – 2005. – № 4. – С. 4–32. – URL: ruthenia.ru/logos/number/2005_04_49.htm (дата обращения: 25.01.2020).
- Карпушина, Л. П. Этномузыкальное мышление личности как проблема / Л. П. Карпушина. – Текст : электронный // *Вестник Томского государственного университета*. – 2009. – № 327. – С. 175–180. – URL: journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=840&article_id=14076 (дата обращения: 25.04.2018).
- Китанова, М. Етнолингвистиката на границата между две столетия / М. Китанова // *Slavica Slovaca*. – 2015. – № 50, 2. – С. 103–115.
- Перехвальская, Е. В. Этнолингвистика / Е. В. Перехвальская. – М. : Юрайт, 2015. – 352 с.
- Плишкова, А. Современное состояние русинского литературного языка в Словакии / А. Плишкова. – URL: www.academia.edu (дата обращения: 25.11.2019). – Текст : электронный.
- Толстые, Н. И. и С. М. Славянская этнолингвистика: вопросы теории : материалы ко Второму Всероссийскому совещанию славистов 5–6 ноября 2013 г. / Н. И. и С. М. Толстые. – М. : Институт славяноведения РАН, 2013. – 240 с.
- Толстой, Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. – М. : Индрик, 1995. – 262 с.
- Толстой, Н. И. История и структура славянских литературных языков / Н. И. Толстой. – М. : Наука, 1988. – 239 с.
- Толстой, Н. И. Славянские древности : этнолингвистический словарь / Н. И. Толстой. – М. : Международные отношения, 2012. – Т. 5. – 736 с.
- Толстая, С. М. Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры / С. М. Толстая // *Славянский и балканский фольклор*. – М. : Наука, 1989. – 272 с.
- Сепир, Э. Язык. Введение в изучение речи / Э. Сепир // *Избранные труды по языкознанию и культурологии* : пер. с англ. – М. : Прогресс, 1993. – С. 29.
- Узенёва, Е. С. Болгарская свадьба: этнолингвистическое исследование / Е. С. Узенёва. – М. : Индрик, 2010. – 280 с.
- Цивьян, Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы / Т. В. Цивьян. – М. : КомКнига, 2006. – 280 с.
- Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон. – М. : Прогресс, 1996. – С. 142.
- Яворский, Ю. А. Карпатороссы и русский язык. «Думы о Родине». Общественно-литературные дневники. Львов: Живое Слово 1923 г. / Ю. А. Яворский. – Текст : электронный // *Карпатская Русь. Потаенное*. – 2016. – № 2 (75). – URL: www.zrd.spb.ru/carpat/2016/language2.pdf (дата обращения: 20.12.2019).
- Ябур, В. Русинський язык в зеркалі нових правил про основні і середні школи з навчанням русинського языка / В. Ябур, А. Плішкова. – Пряшів : Русин і Народні новинки, 2005. – 128 с.
- Ябур, В. Русинська лексика на основі змін у правилах русинського языка / В. Ябур, А. Плішкова, К. Копорова. – Пряшів : Русин і Народні новинки, 2007. – 328 с.
- Asafjev, V. Hudební forma jako proces / V. V. Asafjev. – Praha: Státní hudební vydavatelství, 1965. – 402 s.
- Bartmiński, J. Jazyk v kontextu kultury. Dvanáct statí z lublinské kognitivní etnolingvistiky / J. Bartmiński; Preklad I. Vaňková. – Praha: Univerzita Karlova v Praze, Nakladatelství Karolinum, 2016. – 168 s.

Копчакова С., Петрикова А. Роль терминов свадебного обряда в формировании культурной...

Čižmár, I. *Ludová svadba Rusínov východného Slovenska* / I. Čižmár. – Svidník, 2006. – S. 164.

Fischerová, A. Kulturologický koncept dejín národnej kultúry / A. Fischerová // *Acta culturologica*, zv. 1. – Bratislava: FF UK Bratislava, 1998. – 172 s.

Gažová, V. *Súradnice kultúry* / V. Gažová. – Trnava: Univerzita sv. Cyrila a Metoda v Trnave, 2003. – 114 s.

Gusev, V. Je. *Estetika folklóru* / V. Je. Gusev. – Praha: Odeon, 1967. – 374 s.

Charon, J. M. *The Meaning of Sociology* / J. M. Charon. – 6th edition, Upper Saddle River. – N. J.: Prentice Hall, 1999. – 27 s.

Magocsi, P. R. *Karpatskí Rusíni*. Preklad: Ľubica Babetová / P. R. Magocsi. – Prešov: Karpatskorusínske výskumné centrum, 1995. – URL: <https://www.rusyn.sk/data/files/9.pdf> (дата обращения: 25.11.2019). – Текст: электронный.

Mistrík, E. kol. *Kultúra a multikultúrna výchova*. Culture and Multicultural Education / E. Mistrík kol. – Bratislava: Iris, 1999. – 199 s.

Moszyński, K. *Kultura ludowa Słowian* / K. Moszyński. – Warszawa: Ksiażka i Wiedza, 1967. – T. 2. *Kultura duchowa*, cz. 1. – 781 s.

Mušinka, M. *Hlasy predkov / Holosy predkiv (kniha+CD)*. Vydalo Centrum antropologických výskumov, Občianske združenie DIBA / M. Mušinka. – Prešov: Knižnica ČAV č. 1, 2002. – 256 s.

Tyllner, L. *Tradiční hudba. Hledání kořenů* / L. Tyllner. – Praha: EÚ AVČR, 2010. – 222 s.

Zenuchova, K. *Perspectives of Ethnolinguistics in Slovakia (On Example of Slovak-Bulgarian Cooperation)* / K. Zenuchova // *Proceedings of the International Jubilee Conference of the Institute for Bulgarian Language* / edited by T. Aleksandrova, D. Blagoeva. – Sofia: Institute for Bulgarian Language, 2017. – Vol. 2. – P. 180–185.

References

Asafjev, B. V. (1965). *Hudební forma jako proces*. Praha, Státní hudební vydavatelství. 402 p.

Baklushinskii, S. A., Belinskaya, E. P. (1998). Razvitie predstavlenii o ponyatii «sotsial'naya identichnost'» [Development of the concept of „social identity“]. In Sobkin, V. S. (Ed.). *Etnos. Identichnost'. Obrazovanie: Trudy po sotsiologii obrazovaniya*. Moscow, Rossiiskaya akademiya obrazovaniya, pp. 64–85.

Bartmiński, J. (2016). *Jazyk v kontextu kultury. Dvanáct statí z lublinské kognitivní etnolingvistiky*. Praha, Univerzita Karlova v Praze, Nakladatelství Karolinum. 168 p.

Benvenist, E. (1974). *Obshchaya lingvistika. Glava XXIII. O sub'ektivnosti v yazyke* [General linguistics. Chapter XXIII. About subjectivity in language]. Moscow, Progress, pp. 292–294. URL: helpiks.org/2-3212.html (mode of access: 25.01.2020).

Čižmár, I. (2006). *Ludová svadba Rusínov východného Slovenska*. Svidník, p. 164.

Dzhozef, Dzh. (2005). *Yazyk i natsional'naya identichnost'* [Language and national identity]. In *Logos*. No. 4, pp. 4–32. URL: ruthenia.ru/logos/number/2005_04_49.htm (mode of access: 25.01.2020).

Erikson, E. (1996). *Identichnost': yunosť i krizis* [Identity: youth and crisis]. Moscow, Progress, p. 142.

Fischerová, A. (1998). Kulturologický koncept dejín národnej kultúry. In *Acta culturologica*, zv. 1. Bratislava, FF UK Bratislava. 172 p.

Gažová, V. (2003). *Súradnice kultúry*. Trnava, Univerzita sv. Cyrila a Metoda v Trnave. 114 p.

Gura, A. V. (2006). Sootnoshenie i vzaimodeistvie aktsional'nogo i verbal'nogo kodov svadebnogo obryada [Ratio and interaction of the official and verbal codes of the wedding rite]. In *Slavyanskii i balkanskii fol'klor. Semantika i pragmatika teksta*. Moscow, Indrik, pp. 268–279.

Gusev, V. Je. (1967). *Estetika folklóru*. Praha, Odeon. 374 p.

Guzi, L. (2015). Istoricheskie obrazy v yazyke kak otrazhenie edinita etnolingvokul'turnogo soznaniya [Historical images in language as a reflection of units of ethnolinguistic consciousness]. In Verbickaya, L. A., Rogova, K. A., Popova, T. I., et al. (Eds.). *Russkii yazyk i literatura v prostranstve mirovoi kul'tury: materialy XIII Kongressa MAPRYAL. g. Granada, Ispaniya, 13–20 sentyabrya 2015 goda, in 15 vols*. Saint Petersburg, MAPRYAL, p. 179.

Charon, J. M. (1999). *The Meaning of Sociology*. 6th edition, Upper Saddle River. N. J., Prentice Hall. 27 p.

Karpushina, L. P. (2009). Etnomuzykal'noe myshlenie lichnosti kak problema [Ethnomusical personality thinking as a problem]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 327, pp. 175–180. URL: journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=840&article_id=14076 (mode of access: 25.04.2018).

Kitanova, M. (2015). Etnolingvistikata na granitsata mezhdu dve stoletiya [Etnolinguistics on the border between two centuries]. In *Slavica Slovaca*. No. 50, 2, pp. 103–115.

Magocsi, P. R. (1995). *Karpatskí Rusíni*. Prešov, Karpatskorusínske výskumné centrum. URL: www.rusyn.sk/data/files/9.pdf (mode of access: 25.11.2019).

Mistrík, E. kol. (1999). *Kultúra a multikultúrna výchova*. Bratislava, Iris. 199 p.

Moszyński, K. (1967). *Kultura ludowa Słowian*. Warszawa, Ksiażka i Wiedza. Vol. 2. *Kultura duchowa*, cz. 1. 781 p.

Mušinka, M. (2002). *Hlasy predkov / Holosy predkiv (kniha+CD)*. Vydalo Centrum antropologických výskumov, Občianske združenie DIBA. Prešov, Knižnica ČAV č. 1. 256 p.

Perekhval'skaya, E. V. (2015). *Etnolingvistika* [Ethnolinguistics]. Moscow, Yurajt. 352 p.

Plishkova, A. *Sovremennoe sostoyanie rusinskogo literaturnogo yazyka v Slovakií* [Contemporary state of the Russian literary language in Slovakia]. URL: <https://www.academia.edu/> (mode of access: 25.11.2019).

Sepir, E. (1993). *Yazyk. Vvedenie v izuchenie rechi* [Language. Introduction to Speech]. In *Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu i kul'turologii*. Moscow, Progress, p. 29.

Tolstaya, S. M. (1989). erminologiya obryadov i verovanií kak istochnik rekonstruktsii drevnei dukhovnoi kul'tury [The terminology of rites and beliefs as a source of reconstruction of the ancient spiritual culture]. In *Slavyanskii i balkanskii fol'klor*. Moscow, Nauka. 272 p.

- Tolstoi, N. I. (1988). *Istoriya i struktura slavyanskikh literaturnykh yazykov* [History and structure of Slavic literary languages]. Moscow, Nauka. 239 p.
- Tolstoi, N. I. (1995). *Yazyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoi mifologii i etnolingvistike* [Language and popular culture. Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics]. Moscow, Indrik. 262 p.
- Tolstoi, N. I. (2012). *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. Vol. 5. 736 p.
- Moscw, Tyllner, L. I. and S. M. (2013). *Slavyanskaya etnolingvistika: voprosy teorii: materialy ko Vtoromu Vserossiiskomu soveshchaniyu slavistov 5–6 noyabrya 2013 g.* [Slavic ethnolinguistics: questions of theory: materials for the Second All-Russian Meeting of Slavists on November 5–6, 2013]. Moscow, Institut slavyanovedeniya RAN. 240 p.
- Tsiv'yan, T. V. (2006). *Model' mira i ee lingvisticheskie osnovy* [World model and its linguistic foundations]. Moscow, KomKniga. 280 p.
- Tyllner, L. (2010). *Tradiční hudba. Hledání kořenů*. Praha, EÚ AVČR. 222 p.
- Uzenyova, E. S. (2010). *Bolgarskaya svad'ba: etnolingvisticheskoe issledovanie* [Bulgarian wedding: ethnolinguistic research]. Moscow, Indrik. 280 p.
- Yabur, V., Plishkova, A. (2005). *Rusin'skiy yazyk v zerkali novykh pravil pro osnovny i seredni shkoly z navchanem rusin'skogo yazyka* [Rusyn language in the mirror of new rules about primary and secondary schools with Rusyn language teaching]. Pryashiv, Rusin i Narodny novinky. 128 p.
- Yabur, V., Plishkova, A., Koporova, K. (2007). *Rusin'ska leksika na osnovi zmin u pravilakh rusin'skogo yazyka* [Ruthenian vocabulary based on changes in the rules of the Ruthenian language]. Pryashiv, Rusin i Narodny novinky. 328 p.
- Yavorskii, Yu. A. (2016). *Karpatorossy i russkii yazyk. «Dumy o Rodine»*. Obshchestvenno-literaturnye dnevniki. Lvov: Zhivoe Slovo 1923 g. [Carpathians and the Russian language. "Thoughts of the Motherland" Public literary diaries. Lviv: Living Word of 1923]. In *Karpatskaya Rus'. Potaennoe*. No. 2 (75). URL: www.zrd.spb.ru/carp/2016/language2.pdf (mode of access: 20.12.2019).
- Zenuchova, K. (2017). *Perspectives of Ethnolinguistics in Slovakia (On Example of Slovak-Bulgarian Cooperation)*. In Aleksandrova, T., Blagoeva, D. (Eds.). *Proceedings of the International Jubilee Conference of the Institute for Bulgarian Language*. Sofia, Institute for Bulgarian Language. Vol. 2, pp. 180–185.

Данные об авторах

Копчакова Славка – доцент, PhD., директор Института эстетики, Прешовский университет (Прешов, Словакия).

Адрес: 08001, Словакия, Prešov, 17. Novembra, 3724/15.
E-mail: slavka.kopchakova@unipo.sk.

Петрикова Анна – доцент, PhD., член Института русистики, Прешовский университет (Прешов, Словакия).

Адрес: 08001, Словакия, Prešov, 17. Novembra, 3724/15.
E-mail: anna.petrikova@unipo.sk.

Authors' information

Kopchakova Slavka – Associate Professor, PhD., Director of the Institute of Aesthetics, University of Presov (Presov, Slovakia).

Petrikova Anna – Associate Professor, PhD., Institute of Russian Studies, University of Presov (Presov, Slovakia).